

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.6

Коллективная память и инстанции темпоральности

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, rjaguzova@yandex.ru

Целью исследования, представленного в статье, является теоретическая рефлексия характеристик коллективной памяти и ее проекций на разные временные модусы – прошлое, настоящее и будущее. Представлены результаты теоретической рефлексии коллективной памяти как социокультурного и социально-психологического феномена бытия человека и человечества, а также ее проекции на разные временные модусы – прошлое, настоящее и будущее. Коллективная память определяется как совокупность значимых для группы образных и вербальных репрезентаций прошлого, транслируемых и воспроизводимых членами группы в настоящем; позволяющая им консолидироваться и эмоционально вовлекаться в жизнедеятельность группы, актуализируя чувство «Мы», сохранять и защищать собственную самобытность и аутентичность, маркировать свое отличие от Других, конструировать социальную и гражданскую идентичность. Выделены основные характеристики коллективной памяти (открытость, динамичность, наличие закрытых зон, неоднородность, избирательность, множественность, коммуникативность, эмоциональность), свидетельствующие о том, что ее основной функцией является не столько удержание прошлого, сколько сохранение целостности группы (коллективной общности) и трансляции культурного кода, значимого для ее единства. Коллективная память позиционируется как особое явление современного хронотопа, проекции которой локализованы в разных временных модусах личности и группы – прошлое, настоящее и будущее. Утверждается, что «сшивки» разных инстанций темпоральности в коллективной памяти происходит благодаря важности и значимости прошлых событий при конструировании идентичности членов группы и смысла настоящего / будущего, и детерминировано стремлением группы к минимизации неопределенности своего будущего и снижению рисков повторения кризисных событий.

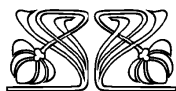
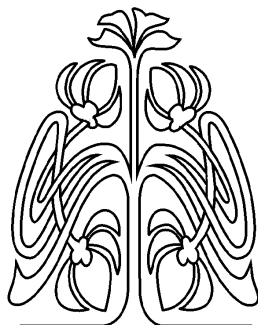
Ключевые слова: коллективная память, образные и вербальные репрезентации, социальная идентичность, инстанции темпоральности, прошлое как пребывающее, будущее прошлого, конструирование будущего.

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145>

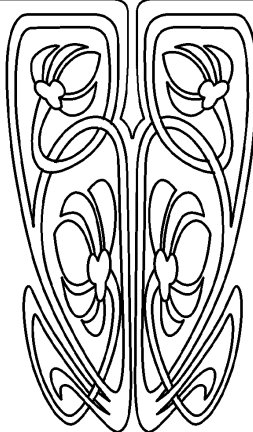
Введение

Людам, живущим в современном нестабильном, сложном и постоянно изменяющемся мире, требуются различные точки опоры, которые помогут им не только обеспечить порядок и сохранить устойчивость во всех сферах функционирования общества, но и обрести ценность и личностный смысл собственного существования и понимания того, кем они являются / не являются, каковы этические принципы жизнеустройства, что нужно сделать, чтобы сохранить и преобразовать мир, кто такие Другие – предшественники, современники, наследники.

Социальная память, давно находящаяся в центре внимания исследователей разных школ и направлений [1–6], выступает одной из таких ключевых точек опоры. Примечательно, что интерес к ней в информационном обществе не ослабевает, а, возможно, даже усиливается [7–10], поскольку память может выступать эффективным инструментом управления, средством политических манипуляций (иногда спекуля-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ций), своеобразной мишенью психологического воздействия в глобальной информационной борьбе [11]. О востребованности и актуальности изучения социальной памяти в цифровом мире свидетельствует также активное развитие в настоящее время трансдисциплинарной социально-гуманитарной парадигмы – *memory-studies*, акцентирующей исследовательское внимание на памяти как особом социокультурном феномене бытия человека и человечества.

Память в ее наиндивидуальном социальном измерении – широкая категория, включающая в себя близкие, но не синонимичные понятия, имеющие разные смысловые границы:

- историческая память представляет собой архив значимой для группы информации и хронологию важных произошедших и свершившихся событий [1, 6];

- культурная память выступает в качестве механизма поддержания системы групповых релевантностей, трансляции социальных ценностей и смыслов, обеспечивая преемственность социальной идентичности личности и группы [3, 5, 12];

- коллективная память [2, 4, 5] детерминирована и отформатирована социально, она обозначает то, что значимо в прошлом и жизненно важно в настоящем группы, эмоционально вовлекает членов группы, способствует их самопринятию, самовосприятию и самоидентификации, а также допускает различные интерпретации, вплоть до контрпамяти, предлагающей альтернативную точку зрения на общепринятые представления о прошлом [6];

- коммуникативная память [5, 13] возникает в процессе межличностной коммуникации с ближайшим социальным окружением и имеет модус биографического воспоминания, разделяемого индивидом с взаимодействующими Другими.

В фокусе нашего исследовательского внимания будет находиться коллективная память, а *целью исследования* является теоретическая рефлексия характеристик коллективной памяти и ее проекций на разные временные модусы – прошлое, настоящее и будущее.

Характеристика коллективной памяти

Коллективная память рассматривается нами как совокупность значимых для группы образных и вербальных репрезентаций прошлого, транслируемых и воспроизводимых членами группы в настоящем; позволяющая им консолидироваться и эмоционально вовлекаться в жизнедеятельность группы, актуализировав чувство «Мы», сохранять и защищать собственную самобытность и аутентичность, маркировать свое отличие от Других, конструировать социальную и гражданскую идентичность. Важным в этом определении являются два момента, на которых мы хотим специально остановиться.

Первый момент связан с акцентированием внимания на том, что коллективная память – это

совокупность репрезентаций, которые изначально позиционируются как «запаздывающие» или вторичные относительно присутствия – презентации, возникающие при отсутствии объектов, субъектов, событий, которых они представляют, соотносясь с ними в онтологическом плане. Обозначая присутствие того, что отсутствует, репрезентации всегда оценочны и воспроизводят лишь часть информации, иногда ограниченную конвенциональным минимумом, позволяющим означаемому быть узнаваемым. Репрезентации социальны как с точки зрения своего происхождения, так и в содержательном отношении, и, по сути, являясь конститутивной функцией знака, выступают и результатом, и средством социального познания [14].

Второй момент касается того, что речь идет именно о конфигурации репрезентаций прошлого в обстоятельствах настоящего, поскольку сами по себе репрезентации, по мнению П. Х. Хаттона, с которым мы полностью согласны, фрагментарны и условны, они приобретают ключевое значение только при их проекции на конкретный пространственно-временной контекст [6]. Соответственно, репрезентации легко могут модифицироваться и трансформироваться, если изменяется социокультурная ситуация, перед группой ставится другая задача или возникает иная перспектива существования и сохранения группы, ее развития и роста.

Коллективная память формируется и поддерживается властью с помощью целого комплекса коммеморативных практик, направленных на управление прошлым в интересах настоящего. На групповом уровне она обеспечивает интеграцию и консолидацию членов общества, стимулируя их социальную активность, укрепляя сплоченность, солидарность, устойчивость и целостность. На индивидуальном уровне коллективная память способствует конструированию идентичности личности, формированию чувства преемственности и ответственности, определяя жизненные ориентиры, ценности и смыслы.

Коллективная память как ценностно-смысловая матрица динамична, подвижна и разомкнута, так как конфигурация коллективного опыта, значимых воспоминаний и переживаний, а также их оценок постоянно обновляется за счет проживания новых событий, приобретения иного опыта, расширения репертуара социальных практик и может существенно меняться при встраивании прошлого в текущие современные проблемы. Содержательное расширение коллективной памяти приводит к тому, что какие-то события, чувства, переживания объединяются в более крупные ядерные образования коллективной памяти либо сжимаются и формализуются до нормативных воспоминаний, имеющих статус социального наследия, знания или ритуала и фиксируются в социокультурном коде памяти, содержание которого доступно для расшифровки и интерпретации последующими поколениями. Информация, со-

держащаяся в коллективной памяти, изменяется, поскольку коллективная память – это не хранилище воспоминаний и репрезентаций, а активная работа с ними, их проработка и переработка, основная функция которой заключается не столько в удержании прошлого в настоящем, сколько в сохранении целостности группы (коллективной общности) и трансляции значимого для ее единства культурного кода. Именно поэтому возможно воспроизведение воспоминаний в превращенных формах, которые искажаются последствиями того или иного события или тех или иных действий и ретроспективно оцениваются группой иначе, а также осознанно могут реконструироваться и модифицироваться с помощью изобретенных традиций, культурных медиумов или идеологических посредников.

Другой важной динамической характеристикой коллективной памяти является то, что репрезентации некоторых событий, фактов и переживаний со временем могут вытесняться на периферию, не будучи востребованными в ту или иную историческую эпоху и не вписывающиеся в ее смысловую логику. Они проходят своеобразный путь от фактического актуального события к здесь–и–сейчас бытию, затем ино-бытию и, наконец, за-бытию, но при этом не исчезают бесследно, сохраняясь в коллективной памяти в латентном состоянии и представляя собой своеобразный ресурс для новых интерпретаций и инноваций. Это обусловлено тем, что забывание или даже забвение – естественные процессы, допускающие оживление и активизацию мнемических следов коллективной памяти при изменении политического строя государства, социальных и экономических потрясениях общества или трансформациях социокультурной ситуации его развития. Часто забвение имеет место тогда, когда происходит смена поколений, уходят непосредственные участники или современники тех или иных значимых событий, по сути, носители «живой» индивидуальной памяти о них, приобретенные определенный опыт, пережившие боль утраты, радость побед и свершений, разочарование и вину. В этом контексте интересный образ предлагает П. Рикёр, указывая, что «изъяны памяти (забвения, умалчивания, недоговоренности) должны восприниматься ... как теневая сторона освещенного пространства памяти» [4, с. 43]. Близкую к этому метафору предлагает А. Хюссен, говоря о «сумерках памяти»: «Сумерки памяти – это как выветривание памяти каждого поколения под воздействием времени и скорости модернизации, так и рефлексия относительно тускнеющего характера воспоминаний. Сумерки – это время суток, которое предшествует ночному забвению. Здесь время, кажется, замедляется, и последний отблеск дня высвечивает удивительные вещи. Это привилегированное время памяти» [15, с. 3]. Такое особое время памяти, на наш взгляд, связано с осознанием личностью или группой свое-

образной точки невозврата, осмыслением угрозы полной утраты важных для группы воспоминаний, невозможности их сохранения и перевода в метанарратив культурной и исторической памяти, позволяющие личности погрузиться в те пласты коллективной памяти, которые были закрыты не только для Другого / Других, но и для нее самой.

Наличие закрытых зон коллективной памяти может быть обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, это расхождение между официальным дискурсом памяти и приватной памятью непосредственных участников или свидетелей тех или иных событий, для которых оно предстает как факт личной биографии, а его репрезентации основываются на опыте совместно прожитого и пережитого. Например, вариант непроговоренной замкнутой на себя памяти подробно изучен и описан в исследовании коллективной памяти воинов-«афганцев», результаты которого убедительно доказывают влияние неопределенного формально-нейтрального официального дискурса и публичного, негативно окрашенного отношения к непопулярной локальной войне, на капсулирование коллективной памяти внутри отдельного сообщества [16].

Во-вторых, это травматические события – войны и военные конфликты, массовые репрессии и геноциды, связанные с тотальной угрозой существования группы, опасностью уничтожения культуры и ценностей, разрушением групповой и индивидуальной идентичности, имеющие длительные экономические, культурные и психологические последствия для личности и группы. Воспоминания о таких жизненных катастрофах также характеризуются особым способом хранения в коллективной памяти, их достаточно пролонгированной переработкой и разной модальностью оценивания в зависимости от локализации группы на шкале «агрессор – жертва».

Многоголосье воспоминаний и репрезентаций непосредственных жертв-очевидцев, помещенное в социальные рамки памяти и сведенное до общего знаменателя, тщательно сохраняется последующими поколениями, бережно передается членам интруппы и включается в их социальную идентичность, помещаясь в особую область коллективной памяти, закрытую для чужих. Выявлено, что, начиная с третьего поколения жертв-очевидцев, дискурс коллективной памяти относительно произошедшего меняется с жертвенного на героический [17], т. е. происходит сакрализация мучений, страданий, мифологизация жертвенных фигур, смещение акцента на самопожертвование. Именно так группа защищает единство и усиливает сопричастность духовным предкам, укрепляет групповую идентификационную матрицу и формирует общий нравственный императив, актуализирует чувство общности и солидарности, конструирует алгоритмы действий и прописывает сценарии межличностных и межгрупповых отношений.

Однако необходимо подчеркнуть наличие некоторого временного разрыва (даже разлома) на этой трансгенерационной линии, который обусловлен, прежде всего, тем, что проработка индивидуальной травмы требует значительных усилий личности и существенного временного интервала. А. Ассман точно характеризует оглушенное состояние выжившего – «жертва скована тяжелым прошлым, оно остается с ней постоянно, не позволяя двигаться вперед и доверять миру» [13, с. 22]. Человек, выживший в экстремальных условиях, несмотря на спасение, испытывает чувства бессилия и беспомощности, потерянности и раздавленности, тревоги и страха повторения, его Я-концепция и картина мира полностью разрушены, у него нет сил проработать травматический опыт, поскольку он вынужден постоянно бороться с собственными болезненными воспоминаниями.

Своеобразным триггером, запускающим индивидуальную работу с травмой, выступает общественное осмысление произошедшего и социальное конструирование его как травматического. Однако подобные процессы также не происходят сразу, необходима особая готовность общества к тому, чтобы принять и услышать не только победные реляции, но и трагические голоса своих сограждан о пережитом. Например, о Холокосте вообще не принято было говорить примерно четверть века, но постепенно он стал осмысляться как крайняя форма нетерпимости и превратился сначала в символ травмы еврейского народа, затем европейского общества, а начиная с 2005 года – всего мирового сообщества.

Чтобы примирение события с памятью группы окончательно произошло, его реконструирование как тяжелого преступления должно быть осуществлено и стороной-агрессором, что возможно только через преодоление кризиса ценностей общества и наличие твердой политической воли руководства государства. Это очень сложный процесс расплаты за деяния, совершенные предками, это покаяние и своеобразное поколенческое раскаяние и жертвоприношение, основанные на нравственных законах правоты и справедливости. Отчасти это произошло в Германии, по крайней мере, на официальном уровне декларируется признание вины за совершенные нацистами преступления хотя приватная память немцев включает и иные воспоминания и репрезентации [13]. Аналогичного признания на законодательном уровне ждут жители Южной Кореи от Японии за преступления, совершенные во время Второй мировой войны против корейских женщин – вианбу, пытаясь найти консенсус в национальной и интернациональной памяти и формируя своеобразную резонансную память общества [18].

В-третьих, это различного рода действия одной группы по отношению к другой, носящие агрессивный, принудительный, насильственный характер: переселение и депортация, создание резерваций и навязывание не аутентичного образа

жизни и чужих культурных ценностей. Дискриминационная сущность этих действий препятствует самостоятельному развитию и росту группы, снижает ее социальный статус и наносит вред социальной идентичности, разрушает репутацию группы, ограничивает ее жизненные перспективы и значительно ухудшает качество жизни ее членов. Условно этот фактор можно обозначить как конфликт большинства и меньшинства, основанный на рассогласовании их интересов, поскольку те, кто обладают легитимной властью, пытаются сохранить и укрепить свои господствующие позиции, навязывают меньшинству свое видение настоящего, будущего и прошлого, их оценку и значимость. В связи с тем, что практически все современные государства имеют полиэтнический состав, национальные рамки их памяти включают внутренние этнические конфликты, взаимные претензии, обиды и требования справедливости, а значит затруднительно создать общий коллективный нарратив памяти, способный поддержать гражданский мир и согласие. Можно прислушаться к оптимистичному мнению С. Е. Эрлиха, согласно которому существование непротиворечивого и неконфликтного нарратива коллективной памяти будет возможным в информационном обществе будущего; фундаментом согласия в качестве социального результата выступают глобальная идентичность, определяемая как идентификация каждого с каждым, и глобальная память, основанная на исторической ответственности, этике прав человека и «сочувствии жертвам всех репрессий и геноцидов, вниманию к каждой жизни, людям всех времен и народов, вне зависимости от религии, расы, этноса, класса и прочих социальных характеристик» [19, с. 37].

Коллективная память интерактивна и коммуникативна, проявляясь и обнаруживаясь только при взаимодействии людей друг с другом – как писал М. Хальбвакс, прошлое становится памятью лишь в процессе коммуникации [2], она манифестируется через взаимодействие Я – Другой и обозначается посредством повествования, дискурса, нарратива, нуждаясь в языке как главном средстве выражения. Она избирательна и дифференцируема, например, память о той или иной несправедливости по отношению к группе или актуализированной обиде, а тем более травме, устойчиво сохраняется в коллективной памяти группы, в то время как предшествующие этому и/или последующие за этим обстоятельства могут полностью вытесняться и забываться [20].

Коллективная память эмоциональна и может порождать «бытие–в–долге», при котором имевшие место события, обстоятельства превосходят по своей онтологической насыщенности «здесь и сейчас» существование группы [4]. В этом контексте мы присоединяемся к мнению П. Рикёра о том, что группа должна уметь не только не забывать значимые события и этапы своего прошлого, но и не становится заложником своей памяти [4].

Инстанции темпоральности коллективной памяти

Коллективная память сопряжена со временем, и необходимо определить место ее локализации на временном континууме, т. е. понять, к какой инстанции темпоральности – прошлое, настоящее, будущее – она относится. На первый взгляд, кажется, что это довольно простая задача, поскольку память имеет отношение к тому, что уже онтологически недоступно, произошло, случилось и свершилось, имело место быть в определенном пространстве и времени, характеризуется смысловой завершенностью, соответственно, ее временной модус – это прошлое. Но на самом деле это не совсем так или даже совсем не так.

Прежде всего, мы согласны с тезисом П. Нора о том, что в современном мире разрушена прямая линия, соединяющая прошлое с настоящим и будущим [1]. Прошлое уже не выступает их гарантом, поскольку стремительно изменяющееся настоящее, которое характеризуется как «ускользающее» [21], «текущее» [22], «рекурсивное» [23], обладающее свойством «перманентной безмерности» [24], само может форматировать прошлое и пытаться управлять будущим. Следовательно, в контексте нелинейности уместно говорить о прошлом прошлого, настоящем прошлого и будущем прошлого, а также о настоящем настоящего и настоящем будущего [1, 23]. Соответственно, коллективная память может позиционироваться как особое явление современного хронотопа, проекции которой локализованы как в прошлом, так настоящем и будущем личности и группы.

Более того, понимание содержания термина «прошлое» также требует уточнения: прошлое–как–минувшее, прошлое–как–прошедшее и прошлое–как–пребывающее. М. Хайдеггер считает прошлое–как–минувшее (уже не существующее) неподлинной формой временности человека, зависящей от трактовки времени как простого суммирования исчезающих моментов [25]. В отличие от этого прошлое–как–прошедшее, как произошедшее в жизни личности или группы имеет совершенно иную коннотацию и смысловую нагрузку, являясь чрезвычайно важной детерминантой существования человека, поскольку такое прошлое причастно к его становлению и развитию, а также репрезентирует жизненный опыт. М. Ш. Магомед-Эминов считает, что «бывшее содержит собственное будущее, поэтому прошлое существует только в горизонте будущего, прошлое есть свернутая жизненная задача» [26, с. 208]. Соответственно, для коллективной памяти важно не то, что прошлое минуло, а то, что оно имело место быть в жизненной истории группы, было совместно прожито и пережито ее представителями и выступает ценнейшим экзистенциальным ресурсом развития личности и группы.

Заметим, что прошлое пребывает и присутствует в настоящем: оно персонифицировано в лицах, сохранено в традициях, мифах, текстах,

символических отпечатках и культурных артефактах; актуализировано в опыте и насыщено воспоминаниями, переживаниями и чувствами людей; поддерживается и удерживается в межличностных и межгрупповых отношениях; манифестируется в повседневных действиях и интеракциях. Прав был Ю. М. Лотман, когда писал: «С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [3, с. 201]. Следовательно, коллективная память, воссоздавая и удерживая образы прошлого, присутствует в настоящем. По мнению М. Эткинды, это присутствие может визуализироваться в виде «твердых» форм культурной памяти – памятники, музеи, мемориалы, а также существовать в «мягких» формах – воспоминания, идеи, образы, исторические нарративы [27]. Обе формы памяти, апеллируя к прошлому, которое важно и значимо для настоящего, конструируют смысл настоящего через живое непосредственное переживание прошлого.

В формате связи прошлого с настоящим интересна идея А. Ф. Филиппова, что коллективная память приписывает некоторое дополнительное значение событиям, происходящим «здесь–и–сейчас» [20]. Она выступает в роли синхронизатора и фасилитатора событий прошлого и настоящего, логически включая их в общий пространственно-временной и смысловой контекст. Подобная синхронизация не только дает право на существование в настоящем событиям прошлого, но и позволяет воплести происходящее в историю группы, фасилируя ее межпоколенческую устойчивость, актуализируя социальные переживания и эмпатические установки членов группы, маркируя преемственность жизненных смысловых обобщений и основополагающих ценностей, обозначая их значимость и универсальность.

Несомненным является то, что прошлое проектируется в будущее – «вперед–себя–бытие» [25], которое еще не существует и которое, по сути, невозможно познать, но возможно предвосхитить в модусе настоящего и прошлого как горизонт ожиданий и желаемое будущее. Мы предлагаем обосновать эту связь с помощью двух ключевых понятий: неопределенность будущего и риск повторения прошлого события, которые, на наш взгляд, «сшивают» разные инстанции темпоральности в рамках коллективной памяти.

Для поддержания существования любой группы важны такие способности и умения ее членов, как прогнозирование, конструирование и стратегическое формирование возможного и вероятностного будущего, его рисков, угроз и опасностей. Это обусловлено тем, что в условиях неопределенности, изменчивости и нестабильности локус принятия многих ключевых решений резко смещается в пространстве и времени: те из них, которые будут необходимы через несколько лет, должны артикулироваться, прорабатываться и готовиться уже сегодня. Соответственно, то, что будет функционировать в будущем, создается

в настоящем с опорой на прошлое, поскольку с помощью известных, апробированных моделей и алгоритмов возможно снижение неопределенности будущего. В этом случае изменчивость и нестабильность оцениваются не как угрозы для группы и общества, а как вызовы, которые нужно уметь предвидеть, принимать и адекватно на них реагировать.

Другим возможным риском, онтологически определяемым как область будущего, выступает страх и опасность повторения тех или кризисных или даже катастрофических событий. Коллективные действия по проработке и переработке таких событий, ориентированные на активное проговаривание, открытый диалог, совместное преодоление последствий, приводят к символизации и подчеркиванию их глубинного для группы сущностного смысла, фиксации в коллективной памяти, трансляции последующим поколениям не только как напоминания о прошлом, но и предупреждения о вероятном будущем. Так, в исследовании Л. Е. Муравьевой показано, что нарративная репрезентация риска, выполняя среди прочих и алармическую функцию, опирается на существующие образцы, активизирующие механизмы обращения группы к коллективной памяти [28].

Безусловно, возможны ситуации, когда группа осознает, что «власть прошлого» мешает ее развитию и критически, а иногда даже деструктивно к нему относится, отрицая его значимость и нивелируя доминирующие ценности. В этом случае происходит своего рода переформатирование коллективной памяти: на авансцену выходят другие исторические герои и персонажи, происходит смещение акцента на иные исторические события, репрезентации которых в пространстве коллективной памяти находилась на неосвещенной, теневой стороне, в результате этого процесса конструируются горизонты будущего и разрабатываются сценарии его развития.

Выводы

Проведенный теоретический анализ коллективной памяти и ее проекций на разные инстанции темпоральности позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Коллективная память представляет собой совокупность значимых для группы образных и вербальных репрезентаций прошлого, транслируемых и воспроизводимых членами группы в настоящем. Она выполняет функции объединения и эмоционального вовлечения членов группы, актуализации чувства «Мы», сохранения и защиты самобытности и аутентичности группы, установления ее границ, конструирования социальной идентичности членов группы.

2. Выделены следующие характеристика коллективной памяти:

– разомкнутость и открытость, обусловленные постоянным обновлением ее содержания за

счет проживания группой новых событий, приобретения иного опыта, расширения репертуара социальных практик;

– подвижность и ситуативность, связанные с тем, что ландшафт коллективной памяти меняется в дискурсе настоящего, ориентируясь на сохранение целостности группы и трансляцию значимого для ее единства культурного кода;

– децентрализованность и динамичность, имеющие отношение к этическому осмыслению памяти и забвения как своеобразному ресурсу для новых интерпретаций и инноваций;

– наличие закрытых зон и травматического опыта, способствующих защите единства группы и фасилитации сопричастности ее членов духовным предкам, укреплению групповой идентификационной матрицы и формированию общего нравственного императива группы;

– множественность и неоднородность, детерминированные тем, что практически все современные государства имеют полиэтнический состав и включают различные этнические группы, национальные рамки памяти которых различны, могут быть не конгруэнтны, включать взаимные претензии, обиды и требования справедливости;

– интерактивность и коммуникативность, касающиеся того, что содержание коллективной памяти обнаруживается только через взаимодействия Я – Другой и выражается с помощью дискурса, нарратива, повествования, фиксируясь в ценностно-символическом матрице группы;

– избирательность и эмоциональность, опосредованные тем, что репрезентации прошлого перекоординируются и переоцениваются в соответствии с текущими потребностями и целями группы, контекстом ее существования и развития.

3. Коллективная память как социокультурный и социально-психологический феномен характеризуется особым пространственно-временным хронотопом. Проекция коллективной памяти локализованы в разных временных модусах – прошлое, настоящее и будущее. «Сшивка» разных инстанций темпоральности в коллективной памяти происходит благодаря важности и значимости прошлых событий при конструировании идентичности членов группы и рефлексии смысла настоящего / будущего, она детерминирована стремлением группы к минимизации неопределенности будущего и снижению рисков повторения кризисных событий.

Библиографический список

1. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 40–41.
2. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. 346 с.
3. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

4. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin ; N. Y., 2008. P. 109–118.
6. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб., 2004. 424 с.
7. Шуб М. Л. Социальная, коллективная и культурная память : новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4–11.
8. Rowlinson M., Booth C., Clark P., Delahaye A., Procter S. Social Remembering and Organizational Memory // Organization Studies. 2010. Vol. 31, № 1. P. 69–87.
9. Megill A. History, Memory, Identity // History of the Human Sciences. 1998. Vol. 11, № 3. P. 37–62.
10. Halas E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age // Time & Society. 2008. Vol. 17, № 1. P. 103–118.
11. Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение : Тенденции социально-психологических исследований. М., 2017. 424 с.
12. Стефаненко Т. Г., Тумгоева Т. А., Котова М. В. Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа // Национальный психологический журнал. 2017. № 4. С. 45–56.
13. Асман А. Длинная тень прошлого : Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.
14. Рягузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия Я – Другой. Саратов, 2011. 304 с.
15. Huyssen A. Twilight Memories : Marking Time in the Culture of Amnesia. N.Y., 1995. 292 p.
16. Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация (INTER). 2011. № 6. С. 27–48.
17. Тарабрина Н. В., Майн Н. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3. С. 96–119.
18. Рождественская Е. Ю. Перформативная память и памятник вианбу в Южной Корее // ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. 2018. № 15. С. 91–101.
19. Эрлих С. Е. «Методологический национализм», «вторая память» и цена прогресса // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 31–48.
20. Филиппов А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации : теоретическая логика социологического подхода. М., 2004. 56 с.
21. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. 343 с.
22. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.
23. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2015. 485 с.
24. Асмолов А. Г. Психология современности : вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.12.2018).
25. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. 448 с.
26. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен воспоминаний с позиций темпоральной работы личности с экстремальным опытом // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 205–209.
27. Эткинд А. Кривое горе : память о непогребенных. М., 2016. 336 с.
28. Муравьева Л. Е. Нарративная репрезентация риска и коллективная память : к постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 57–68.

Образец для цитирования:

Рягузова Е. В. Коллективная память и инстанции темпоральности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 2 (30). С. 138–146. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145>

Collective Memory and Instances of Temporality

Elena V. Ryaguzova

Elena V. Ryaguzova, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, rjaguzova@yandex.ru

The goal of the research presented in the article is theoretical reflection of collective memory characteristics and its projections on different temporal modes – the past, the present and the future. The article presents the results of the theoretical reflection of collective memory as a sociocultural and socio-psychological phenomenon of being of a human and humankind, as well as its projections on different temporal modes – the past, the present and the future. The collective memory is defined as a set of significant for a group figurative and verbal representations of the past, transmitted and reproduced by members of the group in the present; allowing them to consolidate and emotionally engage in the life of the group, actualizing the “Us” feeling, to preserve and protect their own identity

and authenticity, to mark their difference from “Them”, to design the social and civic identity. We emphasized the main characteristics of collective memory (openness, liveliness, presence of closed zones, heterogeneity, selectivity, plurality, communication, emotionality), indicating that its main function is not so much to keep the past as to preserve the integrity of the group (collective community) and transition of the cultural code relevant for its unity. The collective memory is positioned as a special phenomenon of the modern chronotope, the projections of which are localized in different temporal modes of a personality and a group – the past, the present and the future. It is argued that the “stitching” of different instances of temporality in the collective memory occurs due to the importance and significance of the past events in constructing the identity of group members and the meaning of the present/future, and is determined by the group’s desire to minimize the uncertainty of its future and reduce the risks of repetition of crisis events.

Keywords: collective memory, figurative and verbal representations, social identity, instances of temporality, the past – as existence, the future of the past, the construction of the future.

References

1. Nora P. Vsemirnnoye torzhestvo pamyati [World Triumph of Memory]. *Neprikosnovenny zapas* [Emergency ration], 2005, no. 2–3, pp. 40–41 (in Russian).
2. Khal'bvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, 2007. 346 p. (in Russian).
3. Lotman Yu. M. *Pamyat' v kul'turologicheskoy osveshchenii* [Memory in Cultural Lighting]. *Izbrannyye stat'i* [Elected Papers]. In 3 vols. Tallinn, 1992, vol. 1, pp. 200–202 (in Russian).
4. Riker P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе* [Memory, History, Oblivion]. Moscow, 2004. 728 p. (in Russian).
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory. *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, N. Y., 2008, pp. 109–118.
6. Khatton P. Kh. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as Art of Memory]. St. Petersburg, 2004. 424 p. (in Russian).
7. Shub M. L. *Sotsial'naya, kollektivnaya i kul'turnaya pamyat': novyy podkhod k opredeleniyu smyslovykh granits ponyatiy* [Social, Collective and Cultural Memory: New Approach to Definition of Semantic Borders of Concepts]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 1, pp. 4–11 (in Russian).
8. Rowlinson M., Booth C., Clark P., Delahaye A., Procter S. Social Remembering and Organizational Memory. *Organization Studies*, 2010, vol. 31, no. 1, pp. 69–87.
9. Megill A. History, Memory, Identity. *History of the Human Sciences*, 1998, vol. 11, no. 3, pp. 37–62.
10. Halas E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age. *Time & Society*, 2008, vol. 17, no. 1, pp. 103–118.
11. Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Kitova D. A., Nestik T. A., Yurevich A. V. *Massovoye soznaniye i povedeniye: Tendentsii sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy* [Mass Consciousness and Behavior: Trends in Socio-Psychological Research]. Moscow, 2017. 424 p. (in Russian).
12. Stefanenko T. G., Tumgoyeva T. A., Kotova M. V. *Kul'turnaya pamyat' i sotsial'naya identichnost' ingushey kak predstaviteley repressirovannogo naroda* [Ingush's Cultural Memory and Social Identity as Representatives of Repressed Ethnic Group]. *Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal* [National Psychological Journal], 2017, no. 4, pp. 45–56 (in Russian).
13. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, 2014. 328 p. (in Russian).
14. Ryaguzova E. V. *Sotsial'naya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya Ya – Drugoy* [Social Psychology of Personal Representations of “I – Other” Interaction]. Saratov, 2011. 304 p. (in Russian).
15. Huyssen A. *Twilight Memories: Marking Time in the Culture of Amnesia*. N. Y., 1995. 292 p.
16. Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V. *Sotsial'naya pamyat' kak ob'yekt sotsiologicheskogo izucheniya* [Social Memory as Object of Sociological Research]. *Interaktsiya. Interv'y u. Interpretatsiya (INTER)* [Interaction. Interview. Interpretation (INTER)], 2011, no. 6, pp. 27–48 (in Russian).
17. Tarabrina N. V., Mayn N. V. *Fenomen mezhpokolencheskoy peredachi psikhicheskoy travmy (po materialam zarubezhnoy literatury)* [Phenomenon of Intergenerational (Transgenerational) Transmission of Mental Traumatization (Analytical Review of International Studies)]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2013, no. 3, pp. 96–119 (in Russian).
18. Rozhdestvenskaya E. Yu. *Performativnaya pamyat' i pamyatnik vianbu v Yuzhnoy Koree* [Performative Memory and Vianbu Monument in South Korea]. *INTERaktsiya. INTERv'y u. INTERpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation (INTER)], 2018, no. 15, pp. 91–101 (in Russian).
19. Erlikh S. E. «Metodologicheskyy natsionalizm», «vtoraya pamyat'» i tsena progressa [«Methodological Nationalism», «Second Memory» and «Price of Progress»]. *Istoriicheskaya ekspertiza* [Historical examination], 2017, no. 3, pp. 31–48 (in Russian).
20. Filippov A. F. *Konstruirovaniye proshlogo v protsesse kommunikatsii: teoreticheskaya logika sotsiologicheskogo podkhoda* [Constructing Past in Process of Communication: Theoretical Logic of Sociological Approach]. Moscow, 2004. 56 p. (in Russian).
21. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of Modernity]. Moscow, 2011. 343 p. (in Russian).
22. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* (Liquid Modernity). St. Petersburg, 2008. 240 p. (in Russian).
23. Taleb N. *Chernyy lebed'*. *Pod znakom nepredskazuyemosti* [Black Swan. Under Sign of Unpredictability]. Moscow, 2015. 485 p. (in Russian).
24. Asmolov A. G. *Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya* [Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity]. *Psikhologicheskkiye issledovaniya* [Psikhologicheskkiye Issledovaniya], 2015, vol. 8, no. 40, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 14 December 2018) (in Russian).
25. Haydegger M. *Vremya i bytiye. Stat'i i vystupleniya* [Time and Being. Articles and Speeches]. Moscow, 1993. 448 p. (in Russian).
26. Magomed-Eminov M. Sh. *Fenomen vospominaniy s pozitivnyy temporal'noy raboty lichnosti s ekstremal'nyy opytom* [Phenomenon of Recollection in Context of Person's Temporal Work with Extreme Experience]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, iss. 18, pp. 205–209 (in Russian).
27. Etkind A. *Krivoye gore: pamyat' o nepogrebennykh* [Curve Grief: Memory of Unburied]. Moscow, 2016. 336 p. (in Russian).
28. Murav'yeva L. E. *Narrativnaya reprezentatsiya riska i kollektivnaya pamyat': k postanovke problem* [Narrative Representation of Risk and Cultural Memory: On Problem Definition]. *Novyy filologicheskyy vestnik* [New Philological Bulletin], 2018, no. 1 (44), pp. 57–68 (in Russian).

Cite this article as:

Ryaguzova E. V. Collective Memory and Instances of Temporality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 2 (30), pp. 138–145 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145>